

изобразительного искусства, Харьковський художественний музей), Росії (архиви Государственного Эрмитажа, Государственного русского музея, Третьяковской галереи), Литви (ЦГИА ЛитССР) и пр. Используются свидетельства сестры – Агнессы Ивановны, жены – В.П.Линкевич и других лиц, знавших его лично.

Bilokin' S.I. Anals of Life and works of H.Narbut

Here is published the study that has been completed in 1986 – it's compilation of 404 dated facts of life and works of the first star of "Executed Renaissance" Georgiy Narbut. Work was performed starting from the end of 1965 during 20 years, with the support of art critic of 1920-s Stefan Taranushenko, pupil of Ukrainian State Academy of Arts and Boychuk follower Maria Trubetska, and legendary Alla Gorska. There were processed materials of 17 depositories that are located now in several countries – Ukraine (State Museum of Ukrainian Fine Arts, Kharkiv Art Museum), Russia (archives of State Ermitage, State Russian Museum, Tretyakov Gallery), Lithuania (CDIA of Lithuanian Soviet Republic) etc.

А.А. Непомнящий

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ ЭРНСТА: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ АРХИВОВ КИЕВА, МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В научный оборот вводится неизвестный ранее корпус архивных биографических документов крупного крымоведа, археолога Николая Эрнста. В том числе его письма к брату – крупному деятелю музееведения Украины, организатору памятникоохранительной работы Федору Эрнсту. Эпистолярный корпус был выявлен и атрибутирован профессором А.А. Непомнящим. Письма являются интересным источником о развитии науки на полуострове в 20-е годы XX в., истории Таврического университета, биографии деятелей науки.

В последние десятилетия методологические поиски мировой историографии все более сосредотачивались в направлении микроистории. Ученые из разных стран справедливо констатировали, что именно в истории индивида и «новой биографической истории» наиболее четко и наглядно была поставлена ключевая методологическая проблема соотношения и совместимости микро- и макроанализа. В конечном счете, мы стремимся ответить на вопрос, каким образом унаследованные культурные традиции, представления определяли поведение людей (весь ход событий, их последствия) в специфических исторических обстоятельствах. В контексте современных микроисторических подходов внешняя форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием. Вполне отчетливо проявившиеся в этой области тенденции свидетельствуют о рождении нового направления со специфическими исследовательскими задачами

Николай Львович Эрнст

– персональной истории. Основным объектом ее штудий являются персональные тексты, а предметом исследования – история одной жизни во всей ее уникальности и полноте. При этом вполне естественно, что в фокусе биографического исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоциональная жизнь, искания ума, отношения с коллегами. Именно поэтому в «новой биографической истории» особенное значение придается выявлению автобиографической составляющей различных документов [1].

В истории крымовеждения 20-х годов XX века имя Николая Львовича Эрнста (1889-1956) занимает одно из ключевых мест. Первый директор – практически организатор Центрального музея Тавриды, первый заведующий библиотекой Таврического университета, выдающийся археолог и подвижник памятникоохранительной работы, профессор Крымского университета (педагогического института имени товарища М.В. Фрунзе), организатор науки, приемник Арсения Ивановича Маркевича на посту председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии – вот далеко неполный перечень для характеристики деятельности Н.Л. Эрнста в ту эпоху [2]. После ареста Николая Львовича в 1938 году за шпионаж в пользу Германии и германофильскую пропаганду в крымовеждении на упоминание его имени на долгие годы было наложено табу. Первым, кто сделал значительный шаг к возвращению правдивой информации о роли Николая Львовича в развитии науки, стал член-корреспондент АН УССР, доктор исторических наук, археолог Сергей Николаевич Бибикив, хорошо знавший Н.Л. Эрнста по совместным археологическим исследованиям в Крыму в 20-х годах [3]. Более полное значение археологических исследований Н.Л. Эрнста

в Крыму раскрыто в публикации профессора Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Игоря Николаевича Храпунова [4]. Названные разработки дают лишь общую информацию о многогранной деятельности подвижника кримоведения.

Выявленные нами в последние годы многочисленные биографические документы Николая Львовича в различных архивах Санкт-Петербурга и Киева позволяют дополнить данные о перипетиях его судьбы, подкрепить или уточнить устоявшиеся сведения. Каждый из найденных документов, относящихся к характеристике деятельности такой знаковой для истории изучения Крыма фигуры, как Н.Л. Эрнст, представляет несомненный интерес, а введение корпуса этих исторических источников в научный оборот позволит объективно восстановить историю исторической науки в Крыму в целом. Это тем более актуально, что небольшой личный фонд исследователя, оформившийся в Государственном архиве в Автономной Республике Крым, уже после смерти Н.Л. Эрнста из документов, переданных его женой (ф. Р-3283), слабо отражает его разностороннюю деятельность в кримоведении в довоенный период. Супруга Николая Львовича Софья Николаевна Олтаржевская так поясняла это в письме к известному украинскому историку, доктору исторических наук, профессору Сергею Ивановичу Белоконю от 14 июня 1974 года: «Во время ареста Н. Л. все материалы, документы, над которым[и] он работал, все работы его, уже вышедшие из печати, письма и многое другое, были изъяты. Словом, все ящики письменного стола Н. Л. и полки книжные с изданными работами были опустошены. После реабилитации Н. Л. мне ничего не вернули, ссылаясь на то, что все изъятое якобы было уничтожено» [5].

Среди корпуса новых биографических источников, прежде всего, выделим корпус собственноручно заполненных Н.Л. Эрнстом анкет, отложившихся в фонде «Комиссия «Наука и ее работники в пределах СССР» (1924-1930), Комиссия «Наука и научные работники СССР» (1930-1932), Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР (1932-1934)» Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук. Хронологически пять выявленных там охватывают 1926-1933 годы [6]. Первая из них заполнена историком 8 мая 1926 года. Ученая степень указана как «*doktor phil.*», должность: заведующий Археологическим отделом Центрального музея Тавриды, секретарь Таврического общества истории, археологии и этнографии. Специальность, в какой проводит ученые разыскания, указана «археология и история Крыма», а «научная в ней область» как «Древности Крыма доисторические и средневековые» [7]. Документ содержит

информацию о службе и домашнем адресе. Аналогичными по информативности являются анкеты, заполненные с интервалом в пять дней: 15 и 20 сентября 1926 года [8]. Очевидно, анкетирование проводилось различными местными научными учреждениями, где сотрудничал краевед, каждое из которых централизованно отправляло информацию о своих сотрудниках в Ленинград. Наиболее информативной является четырехстраничная анкета, заполненная в 1930 году, где подробно изложен жизненный путь исследователя [9]. Здесь Н.Л. Эрнст указал, что сотрудничает в Крымском областном бюро краеведения, Таврическом обществе истории, археологии и этнографии и Всесоюзном обществе культурных связей с границей. В анкете содержится перечень наиболее значимых научных работ краеведа, который включает 13 названий [10]. Последняя из сохранившихся в данном фонде анкет Н. Л. Эрнста датирована 12 сентября 1933 года, где «сын инженера, беспартийный» он сообщал лишь основные биографические данные [11]. На отдельном листе приложен «Список научных трудов Н.Л. Эрнста», составленный его рукой, который повторяет публикации, названные в анкете 1930 года [12]. Анкетные данные дополняются сведениями из эпистолярного наследия крупнейших деятелей кримоведения той эпохи, осколки воспоминаний о Николае Львовиче.

Предки ученого-кримоведа переселились в Украину из Германии в начале XIX века. Дед Николая Львовича со стороны отца работал на помещичьих суконных фабриках в Волынской, Киевской и Полтавской губерниях. Отец, так и не получив школьного образования, мальчиком служил приказчиком в киевских торговых фирмах, а позже стал сотрудником страхового общества «Надежда» [13]. По социальному положению он считался купцом второй гильдии. В Глухове Людвиг Эрнст имел в собственности небольшую фабрику по производству веревок [14]. Дед со стороны матери Даниил-Николай Николаевич Неезе родился в 1818 году в Риге. В 1854 году Совет киевского Университета Святого Владимира избрал его ученым аптекарем со званием адъюнкт-профессора [15]. Мать Эрнста – Кристина – получила домашнее образование [16]. В семье Эрнстов было шестеро детей. Дочери Евгения (родилась около 1877 г.), Елена (родилась около 1880 г.), сын Георгий (родился около 1883 г.), дочь Вера (около 1887 г.). Самым младшим был брат Теодор-Рихард (родился в 1891 г.). Последний – Федор Людвигович Эрнст – стал выдающимся историком искусства и деятелем в области охраны памятников истории и культуры Украины [17]. Николай Львович родился 23 сентября 1889 года (именно так он указывал в анкетах) в Киеве [18].

В 1900 году семья потеряла отца и им пришлось переехать в Глухов, чтобы следить за состоянием

дел на фабрике [19]. В Глухове – известном украинском культурном центре – Николай обучался в гимназии, которую окончил в 1907 году. Не имея достаточно средств для продолжения образования сыновей в России, семья вынуждена была согласиться с предложением дяди – известного киевского врача-окулиста Эрнста Николаевича Неезе (1850-1930), который предложил финансовую помощь братьям Николаю и Федору для получения высшего образования с обязательным условием, что учиться они будут в Берлинском университете, который в свое время окончил он сам [20]. С 1907 года Николай стал студентом Берлинского университета, где изучал историю на историческом отделении Философского факультета [21]. Ему посчастливилось слушать лекции таких блестящих историков, как Ганс Дельбрюк и Эдуард Майер. В эти годы вместе с братом Теодором, который после окончания гимназии также стал студентом этого же факультета, они объехали множество старинных городов, познакомились с всемирноизвестными музейными коллекциями Германии и Австрии. Выпускной диссертацией Николая стало исследование «Отношение Москвы к крымским татарам при Иване III и Василии III».

В 1911 году, сразу по окончании университетского курса, Николай Львович приезжает в Киев. Здесь он получил должность библиотекаря в Университете Святого Владимира (1911-1914 гг.). Уже после отъезда Н.Л. Эрнста из Германии в 1912 году в берлинском научном издании была напечатана его статья «Первые набеги крымских татар на Южную Россию» [22]. Начало Первой мировой войны прервало деятельность Николая Львовича в киевском университете, где у него успели сложиться научные связи с профессорами М.В. Довнар-Запольским, В.С. Иконниковым, Т.Д. Флоринским. Нагнетание антинемецких настроений в Киеве было связано с громким разоблачением резидента немецко-австрийской разведки Александра Оскаровича Альтшиллера, который проживал в собственном доме № 24 в Киеве на Кузнечной улице. Агентом немцев оказался и хозяин киевского кинотеатра (Крещатик, 38) Антон Шанцер [23]. Братьев Николая и Федора Эрнстов арестовали. До 23 августа их держали в «дворцовом участке», а затем выслали на проживание в организованный в селе Куртамыш Томской области лагерь для немцев. Особенно остро время ссылки переживал младший брат Николая – Федор. По воспоминаниям его жены, «уходя в лес, он [Федор (А. Н.)] бился там головой о деревья, пока боль в окровавленной голове не побеждала боль моральную. В таком состоянии его несколько раз заставлял Н. Л., который серьезно опасался за рассудок младшего брата» [24].

Интересно, что, как свидетельствуют заполненные Н.Л. Эрнстом позже анкеты, в 1914-

1917 гг., Николай Львович трудился заведующим библиотекой в Киевском коммерческом институте. Время высылки в этих документах вообще не отражено [25]. Очевидно, он не хотел афишировать этот период своей биографии. Действительно, 1 мая 1914 года Н.Л. Эрнст был избран на должность библиотекаря Киевского коммерческого института, но правление вуза затем отменило это постановление [26]. Из Киева были высланы все представители семьи Эрнстов, даже его престарелая мать. Они смогли вернуться в Киев только в августе 1917 года [27], приняли присягу на верность России и ее Временному правительству. Начало революционной неразберихи в Киеве и организация Украинской Центральной Рады повлияли на решение Николая Львовича не оставаться в Украине. Четкий курс лидеров украинского национального движения на автономию от России Н.Л. Эрнст не разделял.

В августе 1917 года Николай Львович переехал в Петроград, где сначала устроился внештатным служащим в Российскую Публичную библиотеку, а с 8 апреля 1918 года принят сотрудником читального зала [28]. Для изучения этого непродолжительного петроградского периода жизни Н.Л. Эрнста представляет интерес дело «О службе Н.Л. Эрнста», сохранившееся в Отделе архивных документов Российской национальной библиотеки. В заявлении в Совет Российской Публичной библиотеки от библиотекаря Н.Л. Эрнста значилось:

«Повторяя сим свое заявление от 23-го августа прошл. года, покорнейше прошу принять меня в число служащих Российской Публичной Библиотеки. С 1911-го года я состоял на службе в библиотеке Киевского Университета, а затем был заведующим библиотекой Киевского Коммерческого Института. По специальности я русский историк и напечатал ряд научных трудов и статей. Работал я в большинстве крупнейших библиотек России и Запада, имею степень доктора философии Берлинского университета и знаю большую часть европейских языков.

Петроград. 26 марта 1918 г. Николай Эрнст.

Адрес: Петроград, Мытнинская ул., 22, кв. 9. уг. 8-й Рождественской» [29].

Директор библиотеки Эрнест Львович Радлов в письме от 11 апреля 1918 года (№ 390) сообщил Н. Л. Эрнсту:

«Милостивый государь
Николай Львович.

Российская публичная Библиотека имеет честь уведомить Вас, что согласно постановлению Совета Библиотеки Вы определены нештатным служащим Библиотеки, с окладом в размере 325 р. в месяц с 6 апреля 1918 г.» [30]. То, что Н.Л. Эрнст свободно владел иностранными языками (немецкий и французский) предопределил его перевод с 19 июня 1918 г. в отделение «Rossica»,

Федор Эрнст на отдыхе в Крыму. Кара-сан

где была сконцентрирована литература о России на всех языках мира [31]. На заседании Малого Комитета библиотеки было принято решение об увольнении Н.Л. Эрнста «в связи с распоряжением властей о выезде его на Украину как украинского гражданина» [32]. В служебной документации библиотеки выявлены разночтения в дате окончательного увольнения Николая Львовича [33]. Наиболее позднее из встречающихся распоряжений о его увольнении из Российской Публичной Библиотеки с 1 ноября 1918 г. датировано 20 декабря 1918 года [34].

Приехав из Петрограда в Симферополь, Николай Львович Эрнст попал в творческую, насыщенную духом просвещения, высококультурную среду. Дело в том, что в отличие от других регионов бывшей Российской Империи революционные события 1917 года и последующие перипетии Гражданской войны не свели на нет в Крыму деятельность местного ученого сообщества, а наоборот, активизировали научную работу в регионе, что, прежде всего, сказалось на трудах Таврической ученой архивной комиссии. Спасаясь от революционного лихолетья, в Крыму в это время оказалось много выдающихся ученых, в том числе историков. Так, в эти годы сюда приехали из столиц известные ученые-гуманитарии: историк искусства, член-корреспондент Академии

наук Дмитрий Власьевич Айналов (член ТУАК с 3 июня 1919 г.), философ и теолог Сергей Николаевич Булгаков (член ТУАК с 15 ноября 1919 г.), историки Георгий Владимирович Вернадский (член ТУАК с 15 ноября 1919 г.) и Борис Дмитриевич Греков (член ТУАК с 9 февраля 1919 г.), историк искусства, академик Никодим Павлович Кондаков (член ТУАК с 1891 г.), литературовед Евгений Вячеславович Петухов (член ТУАК с 15 ноября 1919 г.), профессора Новороссийского университета в Одессе Алексей Николаевич Деревницкий (член ТУАК с 1896 г.) и Иван Андреевич Линниченко (член ТУАК с 1902 г.), многие другие выдающиеся деятели [35].

Молодой энергичный немец быстро влился в круг местной интеллектуальной элиты. Имея опыт работы в крупных книгохранилищах, он стал заведующим Научной библиотекой в Таврическом университете (1918-1921 г.). Одновременно Николай Львович получил должность приват-доцента, позже – профессора сразу на двух кафедрах вуза: российской истории и немецкого языка. В 1920 году он одновременно поступил на работу в Центральный музей Тавриды заведующим. Именно на него легла вся тяжелая ноша организации нового музея в Симферополе. Прослужив заведующим до 1922 года, Николай Львович перешел на должность заведующего археологическим отделом музея [36].

С первых дней своего появления в Крыму Н.Л. Эрнст значительное внимание уделял изучению местных древностей, археологическим разысканиям. Он активно включился в подвижническую деятельность местной интеллигенции по охране культурного наследия.

В Рукописном архиве Института истории материальной культуры сохранился важный документ, освещающий историю научной жизни Крыма в данную эпоху. Это письмо заведующего КрымОХРИСа Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского [37] в Академию истории материальной культуры, датированное 23 июля 1921 года. В нем сообщалось, что «в ноябре 1920 г. в Симферополе при ОХРИС было образовано Ученое Совещание в следующем составе: представители Таврического университета – профессора Деревницкий, Айналов, Маркевич, Эрнст; по естественно-историческим наукам – профессора Кузнецов, Лучицкий, Попов, Завадовский; представитель Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы – профессор Клепинин; представитель Таврической ученой архивной комиссии – Маркевич; представители татарского отдела – Боданинский, Абиев и Акчокраклы; заведующий художественным сектором – Я. Тугендхольд; заведующий КрымОХРИСом – Бонч-Осмоловский». Глеб Анатольевич просил столичных коллег способствовать укреплению положения Ученого Совещания и ставил вопрос об объединении

крымского Ученого Совещания с Российской Академией наук [38].

В составленном А.И. Полкановым в декабре 1921 года «Очерке деятельности Ученого Совещания при КрымОХРИСе за 1-й год его существования» были перечислены «наиболее важные доклады, читавшиеся и обсуждавшиеся на заседаниях». Мы приведем их полный список, чтобы продемонстрировать интенсивность работы Николая Львовича в это время и характер его научных интересов в Крыму.

«1) Акад. проф. Н.И. Кузнецов, Организация общеобразовательных экскурсий в Крыму.

2) Проф. Н.Н. Клепинин, Об охране памятников старины и природы в Крыму.

3) Проф. Д.В. Айналов, Таблицы по искусству доисторического человека.

4) Проф. Н.Л. Эрнст, Неолитическая стоянка у села Саблы Симферопольского уезда (отчет о разведке).

5) И.Н. Лаговский, Очерк истории фарфора в Европе (как введение к коллекции фарфора Центрального Музея Тавриды).

6) Проф. Н.Н. Клепинин, Регистрация памятников старины.

7) Проф. Н.Л. Эрнст, Неолитическая стоянка у пещеры Кызыл-Коба (отчет о разведке).

8) Проф. Д.В. Айналов, Наиболее замечательные картины Центр. Музея Тавриды.

9) П.Я. Чепурина, Старинные деревянные татарские дома в Евпатории и их охрана.

10) Проф. Н.Л. Эрнст, Пушкинский домик в Гурзуфе, его состояние и дальнейшая судьба (отчет о поездке).

11) П.И. Новицкий, Охрана татарской старины и искусства.

12) Проф. Н.Л. Эрнст, Неолитическая стоянка у горы Кара-Даг (отчет о разведках).

13) П.И. Крестианполь, Устройство при музеях художественных выставок.

14) Проф. Н.Л. Эрнст, Состояние музеев и древностей Керчи и Феодосии и меры к их охране (отчет о поездке).

15) Прево, Реорганизация Бахчисарайского Музея и Дворца.

16) Бирюков, О музейном строительстве.

17) Проф. А.И. Маркевич, Судьбы Крымских древностей.

18) А.И. Полканов, Состояние Ялтинских музеев, дворцов и ОХРИСа (отчет о поездке).

19) Проф. Н.Л. Эрнст, Положение древностей и музеев в Судаке и Новом Свете (отчет о поездке)» [39].

Среди разнообразного корпуса исторических источников, которые помогают восстановить историю изучения Крыма, более рельефно ощутить особенности пульсации научной жизни на полуострове в различные эпохи, мы

выделяем и активно разрабатываем, прежде всего, эпистолярное наследие крымоведов [40]. Настоящим открытием для истории науки стали выявленные нами в личном архивном фонде известного украинского историка, искусствоведа, музееведа и деятеля памятникоохранительной сферы Федора Львовича Эрнста (1891-1942) письма к нему брата – Николая Львовича. Дело не атрибутировано: имеет заголовок «Письма Ф.Л. Эрнсту некоего Коли».

Изучение личной и служебной переписки позволяет нам воссоздать интеллектуальную напряженность эпохи, демонстрирует особенности характеров, пристрастия, субъективные оценки историков. Вместе с тем, как раз эти источники до последнего времени оставались в значительно меньшей степени введенными в научный оборот и, соответственно, исследованными. Причиной такой ситуации является трудоемкость их разыскания и разработки в личных архивных фондах крымоведов и архивах крымоведческих обществ, которые хранятся, в основном, в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и, в сравнительно малом количестве, – в Симферополе. Вместе с тем, письма являются и важным, до сих пор малоразработанным библиографическим источником. Краеведы Крыма, обсуждая на страницах своей переписки различные сюжеты местной истории, постоянно сообщали друг другу о новинках литературы по данным вопросам, выполняли друг для друга различные библиографические запросы, давали оценки сочинений коллег, рассказывали о своих новых публикациях.

Сохранившиеся письма Н.Л. Эрнста брату охватывают период с февраля 1921-го по ноябрь 1930 года. Братья – коллеги на поприще изучения и охраны культурного наследия – были дружны и постоянно поддерживали переписку. Это подтверждают строки письма жены Федора Львовича Тамары Львовны, адресованного доктору исторических наук, профессору Сергею Ивановичу Белоконову от 22 октября 1967 года: ««Киулей» он называл в шутку своего брата Николая Львовича, с которым был дружен и связан общими научными интересами. Это был тоже крупный исследователь – историк и археолог» [41]. Из содержания переписки явно, что в личном архивном фонде Федора Львовича отложились не все письма брата. Об этом свидетельствует разрыв сюжетных линий, порой значительные хронологические лакуны (до нескольких лет). При этом в отдельных случаях сохранились ежемесячные послания, что свидетельствует о системности эпистолярного общения братьев.

Первое из сохранных писем датировано 20 февраля 1921 года. Для нас оно особенно интересно тем, что этот сложный период становления новых

советских порядков на полуострове – время страшного голода, унесшего тысячи человеческих жизней, и разрухи – менее других охвачен имеющимся в нашем распоряжении эпистолярным наследием других деятелей кривоветения. Н.Л. Эрнст сообщал брату: «У меня настроение менее жизнерадостное, чем обыкновенно. Очень страдаю от холода, в чем, правда, в значительной степени сам виноват, так как не запасся дровами вовремя, поверивши обещаниям Университета. А тут как нарочно еще необычно длинная зима. Словом, руки коченеют и невозможно заниматься. Вечером горит, как у Нестора Летописца, лампада. Это тоже не подымает настроение. Обедаю в советской столовой, где дают пригоревшую кашу из пшеницы. Жалования не платят 4 месяца, так как в Крыму нет советских денег. Продавать мне нечего, ибо лучшую часть моего гардероба украли солдаты. Словом, не хорошо.

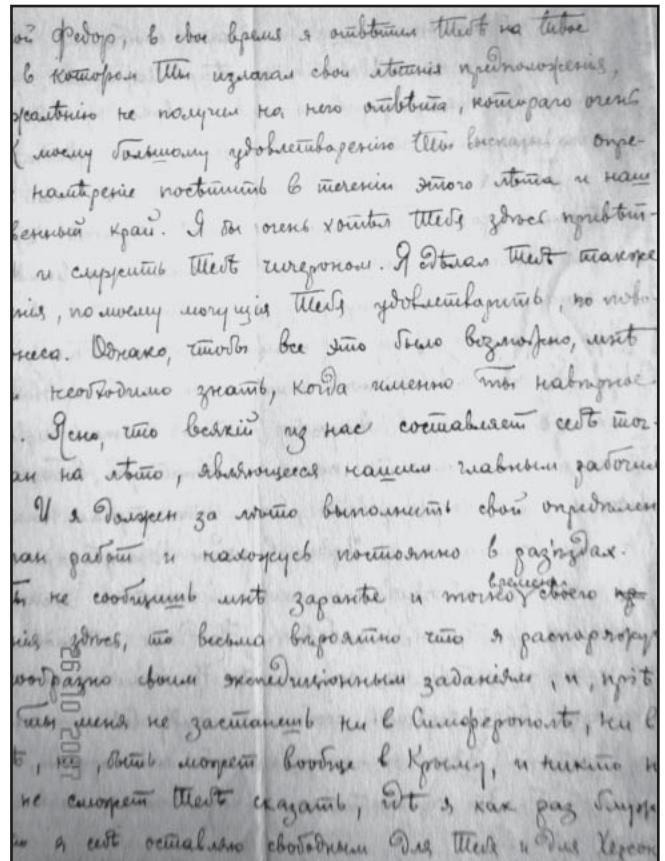
Между тем, работы сколько угодно. Правда, в Университете упразднили Историко-филологический факультет [42], так что лекции мои прекратились. Однако я тогда стал читать на Естественном факультете курс «Доисторический человек». (Я вообще ударился в археологию).

Много работы по библиотеке. Кроме того, устраивается здесь Центральный музей Тавриды – археологический и художественный, в коем я состою директором. Конечно масса работы, возни. И за все это получаешь фунт хлеба и немного пригоревшей каши. Обидно. <...>

Провел я напр. чудесное лето, ползавши вдоль по горам в окрестностях Бахчисарая, исследуя район поселений древних готв, их укрепления, пещерные города. Затем бродил по Южному берегу в подобных же целях. Привез с собою много рисунков, планов, заметок. Кормился, правда, черт знает чем, ночевал, где Бог пошлет и терпел разные невзгоды вплоть до «зеленых» в горах, но чувствовал себя чудесно и был вполне удовлетворен <...>» [43].

4 июля 1921 года Николай Львович сообщал брату: «Провожу лето довольно подвижным способом. Двигаюсь много по городу и по Крыму. В городе у меня масса работы, так как я состою в нескольких учреждениях» [44]. Такую трудовую ретивость он прозаически объяснял необходимостью «погони за пайками»: «я работаю в университете на двух должностях, в музее, в Кавалерийском училище (!), во Внешторге (!) и Финотделе (!). Какое я имею отношение к этим последним учреждениям, ведает один Аллах. Вот и гоняю целыми днями по городу, высунувши язык» [45]. В этом же письме Н.Л. Эрнст рассказывает о научной поездке по маршруту Карасубазар – Феодосия – Керчь, во время которой он осматривал памятники археологии, знакомился с историей и этнографией крымчаков [46].

В следующих письмах Николая Львовича,

Письмо Николая Федору Эрнсту

например, от 5 ноября 1923 года, содержится все более информации о проведенных им археологических раскопках «пещеры в 25 верстах от Симферополя» [47].

События 1924 года дошли до нас сразу в четырех письмах Н.Л. Эрнста к брату. В послании от 21 мая 1924 года он сообщал: «Дома писал понемногу, да все вещи, которых нельзя напечатать. Никак не могу пересилить себя и писать разную плоскую популярщину для экскурсантов, а это теперь единственный товар в спросе. Читал спорадически лекции, регулярно в Университете не читал – раздражает атмосфера» [48]. В двух последующих письмах (от 30 июня и 12 июля) Николай Львович оговаривал детали приезда Федора Львовича в Крым, организации его отдыха и культурно-научную программу (осмотр крымских древностей и раскопок). Киевскому гостю хотелось побывать в Севастополе и осмотреть археологические памятники Юго-Западного Крыма и Южного берега. Брат договорился о его проживании в Херсонесе [49].

23 октября Н.Л. Эрнст сообщал в Киев: «КрымСовнарком потребовал, чтобы копать татарскую старину в Бахчисарае. Пришлось копать. Вышло довольно занятно. Копал я вместе с московским археологом Башкировым [50]. Раскапывали древнее татарское кладбище около станции. Выкапывали старые, ушедшие в землю

надгробия, оказавшиеся очень интересными, в виде саркофагов (но не пустых внутри) с великолепными орнаментами арабскими и византийскими и прекрасными надписями. Датированы концом XIV-го – началом XV-го века. Раскопали и несколько погребений и также один фамильный склеп с пятью покойниками, очень интересный по строительной конструкции» [51].

2 марта 1925 года в письме к брату Н.Л. Эрнст делился впечатлениями о проходившей в декабре 1924 года в Москве Второй Всесоюзной конференции по краеведению. Крымскую АССР на ней представляли А.И. Полканов и Н.Л. Эрнст [52]. Николай Львович сообщал в письме: «Я очень близко сошелся на съезде со Спицыным [53]; в общежитии спал на соседней с ним кровати, так что мы целыми ночами беседовали. Он чудесный старик» [54].

Письма Н.Л. Эрнста являются интересным источником и о проведении первой Всесоюзной Археологической конференции в Керчи. В 1926 году исполнялось 100-летие со дня официального основания Керченского музея древностей. Крымские краеведы справедливо считали необходимым отметить эту круглую дату проведением в Керчи научной конференции. Конечно, подразумевался Археологический съезд, созданный по дореволюционным классическим канонам, однако всем было ясно, что о таком названии собрания советских археологов не может идти речи. За организацию конференции взялся КрымОХРИС совместно с Керченским археологическим музеем. 17 февраля 1926 года Николай Львович сообщал Федору Людвиговичу: «Предполагается всесоюзный археологический съезд в Керчи и Херсонесе по случаю столетия Керченского музея. Наверное, будет очень интересно. Ведь в первый раз после 1911 года...» [55].

27 марта Н.Л. Эрнст писал в Киев: «Определенно решен вопрос о созыве по случаю столетнего юбилею Керченского музея «Всесоюзной Конференции Археологов» в Керчи в начале сентября. Конференцию созывает Главнаука РСФСР. Для осуществления юбилея вообще и Конференции в частности образованы три комитета – один у нас, крымский, один в Москве в Главнауке и один в Питере в Академии Ист[рии] Мат[ериальной] Культ[уры]. Так как от нас исходила инициатива, то мы продолжаем ее держать в руках, вырабатываем программу юбилея и конференции списки приглашаемых и пр. Сначала Главнаука хотела придать программе конференции характер исключительно посвященный керченской археологии. По нашему настоянию она расширила программу в том смысле, что «на Конференции читаются доклады из области археологии Крыма и культур южной России, связанных с Крымом». Хотя с Крымом можно связать все, что угодно, все же мы будем настаивать, чтобы программа была еще

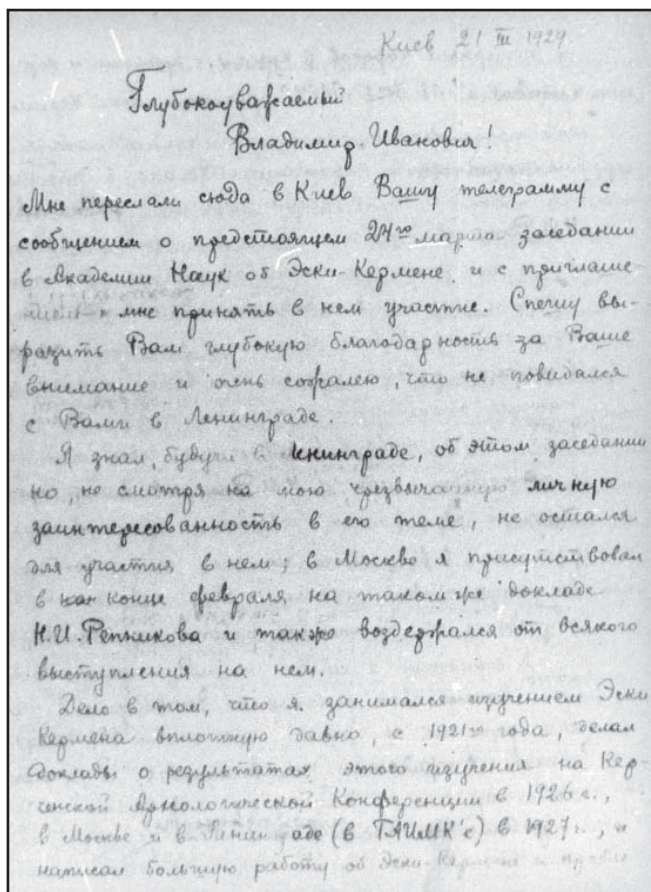
более расширена и включала вообще всю русскую археологию. Без сомнения, так и будет, даже если в официальной программе и будет значиться вышеприведенная формула. Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов.

По случаю юбилея будет выставка археологической работы музея за 100 лет (чертежи, карты и пр.), будут открыты все катакомбы с фресками, всегда закопанные (я за 7 лет пребывания в Крыму их еще ни разу не видел) – это исключительной редкости случай. Будет устроен ряд интереснейших экскурсий в Нимфей, Мирмикион, к Асандрову валу, на гору Опук и на Тамань. После съезда можно будет еще предпринять какое-нибудь путешествие скопом по Крыму.

Из удобств предполагается железнодорожная скидка в 50 %, бесплатная ночевка и очень удешевленные харчи» [56]. Николай Львович советовался с братом, какие украинские научные учреждения и общества приглашать, предлагал киевским ученым «проявить инициативу» и создать в украинской столице «Комитет содействия конференции». Он справедливо заметил: «Желательно, конечно, чтобы приехали деятельные люди и поменьше ротозеев, кустарничающих и научных барышень» [57].

К вопросу об археологической конференции в Керчи Н.Л. Эрнст вновь возвращается в письме 27 мая 1926 года: «На твой вопрос о Керченском съезде могу тебе сообщить, что он, по-видимому, состоится, но, возможно, в скромных размерах, ибо мало видов на ассигнования сумм. Вообще, раз дело в руках Главнауки, то оно идет черепашьими шагами и бестолково. Мы со своей стороны все подготовили в феврале-марте, а они до сих пор ни с места, даже приглашений еще не посылают. Могут этим сильно испортить дело. Деньги собственно нужны не столько на съезд, сколько на ознаменование юбилея ремонтами, премиями и пр., а для съезда нужны деньги маленькие» [58]. В этом же письме Николай Львович подробно рассказал о результатах своих археологических исследований на Неаполе.

Имя Николая Львовича Эрнста неоднократно встречается в переписке крупнейшей фигуры крымского краеведения Арсения Ивановича Маркевича с деятелями науки в конце 20-х начале 30-х годов XX века. 12 апреля 1929 года в письме к академику Сергею Федоровичу Платонову [59] Арсений Иванович представляет свое видение конфликта, развернувшегося между двумя крупными археологами – исследователями Крыма той эпохи: Н.И. Репниковым [60] и Н.Л. Эрнстом. Николая Львовича А.И. Маркевич знал, конечно, лучше, чем Н.И. Репникова. Научные интересы двух археологов тогда столкнулись на Эски-Кермене. Каждый из них просил Академию наук о разрешении на

Письмо Н.Л.Эрнста В.И.Вернадскому

организацию собственной экспедиции, чего Арсений Иванович не рекомендовал делать: «Вдвоем они сразу переругаются» [61]. При этом А.И. Маркевич охарактеризовал для С.Ф. Платонова Н.Л. Эрнста: «Н.Л. Эрнст высокообразованный человек, работающий вполне научно, с немецкой выдержкой, осторожно, аккуратно, но копал только курганы и пещеры, да городище в Симферополе» [62]. При всей сложности, даже антагонизме отношений Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста, А.И. Маркевич советовал С.Ф. Платонову использовать в деле изучения Эски-Кермена опыт обоих археологов. «Оба они дополняют друг друга», — заключал он.

С.Ф. Платонов в последующем постоянно интересовался ходом исследований на Эски-Кермене, а Арсений Иванович подробно информировал его о положении дел. Так, 24 мая 1929 г. он сообщал в Ленинград: «Как председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии меня, конечно, сильно смущали и волновали нелады Н.И. Репникова с Н.Л. Эрнстом, я очень желал бы, чтобы они прекратились, и самолюбие и того и другого лица было принесено в жертву науки. — Но отношение между ними осложнялись, захватили широкие научные сферы, целые учреждения, причем ни Москва, ни Ленинград не проявили, как будто, желания помирить двух научных работников, хотя бы путем третейского суда, на что, насколько я

осведомлен, Н.Л. Эрнст охотно бы согласился. Оба эти лица искренне преданы науке, оба они связаны своей работой с Эски-Керменом, — по-моему, Эрнст больше, но это все равно, — и участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того и другого должно вызывать только сожаление» [63].

В связи с вниманием Академии наук к организации раскопок на Эски-Кермене, интересно письмо Николая Львовича Эрнста, адресованное Владимиру Ивановичу Вернадскому. Крымский краевед был приглашен В.И. Вернадским для участия в заседании АН СССР, где обсуждался вопрос дальнейших исследований Эски-Кермена. 21 марта 1929-го Н.Л. Эрнст сообщал в Москву:

«Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

Мне переслали сюда в Киев Вашу телеграмму с сообщением о предстоящем 24-го марта заседании Академии наук об Эски-Кермене и с приглашением мне принять в нем участие. Спешу выразить Вам глубокую благодарность за Ваше внимание и очень сожалел, что не повидался с Вами в Ленинграде.

Я знал, будучи в Ленинграде, об этом заседании, но, несмотря на мою чрезвычайную личную заинтересованность в его теме, не остался для участия в нем; в Москве я присутствовал в конце февраля на таком же докладе Н.И. Репникова и также воздержался от всякого выступления на нем.

Дело в том, что я занимался изучением Эски-Кермена вплотную давно, с 1921-го года, делал доклад о результатах этого изучения на Керченской Археологической Конференции в 1926 г., в Москве и в Ленинграде (в ГАИМК'е [Государственной Академии истории материальной культуры (А. Н.)]) в 1927 г., и написал большую работу об Эски-Кермене и проблеме пещерных городов в Крыму, с чертежами и фотографиями, предполагал в 1927 и 28 г. раскопки Эски-Кермена, как продолжение своего изучения надземных памятников этого городища. Однако в это же время Эски-Кермен пожелал изучать и раскапывать Н.И. Репников, причем отеснил меня от этой работы при помощи способов и приемов, которые сделали для меня невозможной совместную с ним работу. Ввиду того, что подобные склоки в научной работе производят всегда крайне угнетающее впечатление и только вредят делу, в виду того, что я, живя в Симферополе, совершенно бессилён в отстаивании себя, а Н.И. Репников имеет гораздо большую возможность добывать ассигнования на раскопки, в виду того, наконец, что я вообще человек миролюбивый и всяких свар избегаю, — я отстранился от дальнейшей работы на Эски-Кермене.

К сожалению, я сейчас не могу представить Вам свою работу об Эски-Кермене, так как рукопись её лежит (уже почти два года) в Москве в ожидании

напечатания. Я бы очень хотел принять в дальнейшем посильное участие в работе по исследованию Эски-Кермена <...>» [64].

В июле 1929 года А.И. Маркевич занимался организацией поездки С.Ф. Платонова в Крым. 19 июля 1929-го он сообщал академику, что, если тот откажется от ночевки в его доме и захочет поселиться в гостиницу, лучшими в Симферополе являются «Ленинградская» и «Дом крестьянина» [65]. Сергей Федорович планировал отдохнуть в Гаспре, а затем на Эски-Кермене встретиться с немецкими учеными Зауером и Финдейзенем. Готовясь к этой встрече, С.Ф. Платонов, при содействии А.И. Маркевича, внимательно ознакомился с результатами исследований Н.И. Репникова на Эски-Кермене и даже опубликовал в «Вестнике знания» небольшое сообщение о ходе работ [66].

К середине 1929-го противостояние Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста достигло своего апогея. Об этом Арсений Иванович информировал С.Ф. Платонова как академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР. Николай Иванович Репников, организовавший крупномасштабное исследование Эски-Кермена, все силы отдавал этому делу. Об этом красноречиво свидетельствует его переписка с искусствоведом, руководителем Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России Центральных государственных реставрационных мастерских Александром Ивановичем Анисимовым (1877-1937), отложившаяся в личном архивном фонде последнего в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи [67]. Подробную информацию по этому же вопросу содержит переписка Н.И. Репникова с заведующим Реставрационным подотделом Центральных государственных реставрационных мастерских Игорем Эммануиловичем Грабарем (1871-1960), которая была опубликована на страницах «Исторического наследия Крыма» [68]. Документы, касающиеся этого конфликта, выявленные в различных архивах, свидетельствуют о желании Н.И. Репникова замкнуть исключительно на себе изучение Эски-Кермена.

Интересный источник, связанный с этим вопросом, нам удалось обнаружить в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН. Это письмо А.И. Маркевича в Крымскую комиссию Государственной Академии истории материальной культуры от 15 июля 1929 года. Приводим его текст полностью.

«Ознакомившись с протоколами (в копиях) заседаний Крымской Комиссии Академии Истории Материальной Культуры 28 марта и 9 мая этого года, я по званию своему председателя Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии считаю обязанностью защитить доброе имя и нравственное достоинство его члена – секретаря

В Главнауку НККМпроса Рэфер.
Музейный отдел.

Ввиду того, что по инициативе у меня сведения высланный мною в январе с.г. в Главнауку отчет о моих археологических раскопках и разведках за 1929 г. в Академию Истории Материальной Культуры не поступил, я при сем представляю отчеты вторично, а именно:

- 1) Отчет о раскопках Токургиниковского грота на 14-и страницах с полевой описью, двумя актами, 2-я таблицей гертежей и оптикою.
- 2) Отчет о разведках в пещерном городе Бахла на 12-и страницах с полевой описью, двумя актами и 2-я таблицами гертежей.
- 3) Отчет о разведках городища Сарай-Кыт на 8-и страницах с 1-ю таблицей гертежей.

Завед. Археологич. Отд. Ц. Музея Тавриды
Эрнст.

Письмо Н.Л. Эрнста в Главнауку Наркомпроса

Н.Л. Эрнста от тех обидных подозрений, которые были высказаны по его адресу некоторыми лицами в дискуссии по докладом товв. Репникова и Раудоникаса [Владислав Иосифович Равдоникас (1894-1976) (А. Н.)] в этих заседаниях именно о том, что он использовал и выдал за свои чужие (по[койного] А.Л. Бертье-Делагарда) научные материалы: рисунки, чертежи и т.п.

Имея с Н.Л. Эрнстом почти ежедневное общение в течение десяти лет, я знаю хорошо его как добросовестного научного работника и благородного человека, неспособного к плагиату ни в малейшей степени. Я хорошо знаю и то, с каким глубоким интересом занимается он древностями Крыма, между прочим пещерными городами и, в частности, Эски Керменом, на изучение которого посвятил много труда в последние годы, и кабинетного и полевого, на месте. Глубоко скорблю, что ему не привелось принять участие в раскопках Эски Кермена.

Не могу не остановиться и на странном заявлении Н.И. Репникова в заседании Крымской Комиссии 9 мая о том, [что] будто бы, «материалы графа Уварова, относящиеся к пещерным городам Крыма, хранились в одном экземпляре в Архиве б[ывшей] Таврической Архивной Комиссии и принадлежали ранее Султану Крым Гирею Хану». Заявляю, что никогда ни малейших материалов Уварова в этой Комиссии не было и нет их в библиотеке ее преемника Таврич[еского] Общества Ист[ории], Арх[еологии] и Этн[ографии]. Были в ней и находятся в настоящее время только сочинения Уварова и хорошо известный

Атлас к его «Исследованию о древностях Южной России», подаренный Тавр[ической] Уч[еной] Арх[ивной] Комиссии ее покойным членом Н.А. Султан-Крым Гиреем. Какое отношение имело заявление Н.И. Репникова к вопросу, о котором шла речь, не могу понять. Очевидно, имя Уварова понадобилось в такой же мере, в какой упоминалось и имя пок[ойного] А.Л. Бертье-Делагарда.

Председатель Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии А. Маркевич» [69].

Узнав от археолога, крымоведа Александра Андреевича Спицына (1858-1931) об открытиях Н.И. Репникова в 1928 году на Эски-Кермене крупного поселения с остатками крепостной стены, С.Ф. Платонов поделился этой информацией со своим другом Федором Александровичем Брауном (1862-1942), который до своей эмиграции в Германию активно разрабатывал крымоведческие сюжеты [70]. Это было вполне логично с учетом давних научных связей двух ученых. Заметим, что именно С.Ф. Платонов рекомендовал Ф.А. Брауна к избранию в члены-корреспонденты АН СССР [71]. Ф.А. Браун, в свою очередь, проинформировал об успехах советских археологов своих немецких коллег, которые выступили инициаторами организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для решения так называемой «готской проблемы». С.Ф. Платонов поддержал эту идею и 11 апреля 1929 года обратился с письмом к заведующему отделом научных учреждений Совета Народных Комиссаров СССР Е.В. Воронову [72]. Получив согласие этого чиновника, С.Ф. Платонов 24 апреля 1929 года провел через Общее собрание АН СССР решение о необходимости проведения совместных археологических исследований в Крыму совместно с германскими учеными [73]. Вот почему академик так пристально интересовался у А.И. Маркевича положением дел на Эски-Кермене, взаимоотношениями Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста. Именно поэтому, приехав в Крым на отдых в августе 1929 г., он планировал посетить Эски-Кермен и лично сопровождать немецких ученых. Но обстоятельства распорядились иначе...

Отдохнув в Гаспре, С.Ф. Платонов так и не дождался немецких археологов, которых он намеревался лично встретить в Симферополе и сопровождать на Эски-Кермен. В начале сентября он вынужден был вернуться в Ленинград. Причиной этому было не окончание срока отпуска, а начавшаяся в это время «чистка» Академии наук – работа Комиссии по проверке аппарата учреждений Академии наук СССР [74].

Уезжая из Крыма, С.Ф. Платонов порекомендовал все организационные заботы о немецких археологах Зауере и Финдейзене, которые должны были определить объемы предстоящих исследований советско-германской археологической экспедиции,

Арсению Ивановичу Маркевичу. 9 сентября 1929 года А.И. Маркевич писал в Ленинград о том, как проходила подготовка к встрече немцев, их прибытию и времяпрепровождению [75]. 13 сентября 1929-го он сообщал в Ленинград об исследованиях на Эски-Кермене Зауера: «Я принял все старания, чтобы в должной мере заинтересовать немцев Эски-Керменом в интересах осуществления проблемы снаряжения целой экспедиции немецких ученых в Крым для раскопок в этом пункте в следующем году» [76]. Уже 23 сентября 1929 года он подытоживал: «Самое важное – немцы в высшей степени довольны всем виденным в Крыму, в частности в Э[ски]-К[ермене] и проблема крупных раскопок в будущем году упрочилась» [77].

23 сентября 1929 года, сообщая С.Ф. Платонову нюансы визита немецких археологов на Эски-Кермен, А.И. Маркевич заметил, что «Эрнст и Репников вели себя корректно в кругу гостей-немцев». Он добавил: «Это было нелегко». При этом рассказал о своей роли в увещании обоих не выносить конфликт на суд иностранцев «ради достоинства науки» [78].

Изменение тона и оценки заслуг Николая Львовича Эрнста в письмах Арсения Ивановича к коллегам в Ленинград наступает после избрания Н.Л. Эрнста на должность председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии, которое сам же А.И. Маркевич и спровоцировал. Находясь в конце 20-х годов XX в. все больше времени у дочери в Ленинграде, А.И. Маркевич неоднократно публично пытался отказаться от должности председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии. В одном из писем к С.Ф. Платонову, написанных в Ленинграде, он заявлял: «Я решил оставить должность Председателя Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии. Тяжело уже вести старую линию, а на новую не могу и не хочу переходить. Отказываться лично, здесь [в Симферополе (А. Н.)] – было бы для меня тяжело, да могут быть и неуместные просьбы, демонстрации и т. д., которые только бы волновали меня и подливали масла в огонь» [79].

Насколько искренним было желание А.И. Маркевича уйти с поста руководителя организации, деятельность которой он направлял на протяжении многих лет, неизвестно. По крайней мере, находясь в 1929 году в Ленинграде, Арсений Иванович не подал заявления об отставке с поста председателя Общества. А вот что сообщал Арсений Иванович о своем уходе с должности председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии академику Сергею Александровичу Жебелёву 25 апреля 1930 года: «<...> Уведомляю Вас, что с 19-го числа я уже не Председатель нашего Общества Истории, Археологии и Этнографии. События шли быстро, положение мое выяснялось,

отношение ко мне «общественности» (в смысле правящих органов и элементов) определилось, и я не мог продолжать борьбы, должен был уступить и уйти. Не скрою, что мне нелегко было сделать этот шаг. Я остался единственным из учредителей б[ывшей] Тавр[ической] Уч[еной] Арх[ивной] Ком[иссии], много лет мне пришлось самоотверженно работать. <...> Я остался на посту и во время революции и не прерывал работы ни на один день, на своих плечах вынес преобразование Комиссии в Общество Истории и Древностей [археологии и этнографии (А. Н.)] и старался поставить его возможно лучше при самых скудных средствах и при крайнем оскудении персонального материала... Но моя работа, моя идеология не нравилась, вражду по отношению ко мне перенесли на ненависть к Обществу, и тут уже мое положение стало невыносимым. Я долго не сдавался, понимая, что с моим оставлением председательства будет нанесен удар по Обществу, я надеялся на решительную поддержку лиц, казавшихся моими единомышленниками, но ее не оказалось, заявления сочувствия <...> не имели должной силы, – и бороться стало невозможно. Правда, правит[ельственные] элементы оказали мне <нрзб>. Мне предложено было принять звание почетного председателя Общества, но это было... подсахариванием горькой пилюли. Я принял только звание почетного члена Правления Общества. (Конечно, чтобы не бросать участия в делах Общества и направлять его научную работу). В виду своей старости я очень часто думал о возможности уже в недалеком будущем отойти от Общества (и прежде всего вместе с жизнью), но думал, что моим преемником будет солидный, видный в ученом мире человек, – но и этого не случилось – Председателем Общества по решительному заявлению желания правящих кругов, избран Н.Л. Эрнст. Вы его знаете, он был хорошим секретарем Общества, но хватит ли у него такта, способности, старания и авторитета, чтобы расположить к себе ученые круги, не могу сказать определенно <...>» [80].

К этому периоду относится еще одно нелестное высказывание Арсения Ивановича о своем коллеге. Дело в том, что академик В.И. Вернадский, еще со времени своего пребывания в Симферополе, зная о нахождении среди бумаг Таврического общества истории, археологии и этнографии уникальных документов по истории науки, неоднократно высказался за скорейшую передачу документов (прежде всего – бумаг Христиана Христиановича Стевена) в центральные академические учреждения. Он объективно считал, что эти бесценные для истории науки должны храниться в архиве Академии наук, куда и предлагал их переслать. 3 октября 1930 года он уже повторно писал об этом А.И. Маркевичу, высказывая свою тревогу по поводу задержки с передачей документов в Ленинград. Владимир Иванович про-

сил также, чтобы А.И. Маркевич прислал для архива Академии наук несколько своих фотографий и личные документы, которые у него сохранились. Объясняя в письме от 9 октября В.И. Вернадскому причины неспешности передачи документов Х.Х. Стевена, А.И. Маркевич отвечал следующее:

«Глубокоуважаемый
Владимир Иванович.

Спешу ответить на Ваше письмо от 3 числа. Замедление с высылкой в Академию бумаг Хр. Стевена (писем к нему) произошло не по моей вине. С формальной стороны это объясняется перегруженностью работой по раскопкам нынешнего председателя нашего Общества Ист[ории], Арх[еологии] и Этн[ографии] Эрнста, а по существу его бестолковостью. Заминка эта мне крайне неприятна, – но я тут не могу быстро помочь делу. Сейчас Эрнст копает курганы в Перекопском уезде. Как только он вернется в Симферополь, я приложу все старания к скорейшей отсылке этих бумаг» [81].

Штрихи создают целостный портрет. Собранные по крупицам в архивах Киева и Санкт-Петербурга сведения позволяют нам формировать неизвестный доселе образ многогранной личности выдающегося деятеля кримведения Николая Львовича Эрнста. Пока мы знакомим краеведов лишь с незначительной частью собранных материалов об этом человеке. Воссоздание его полного образа и роли в кримведческих исследованиях еще впереди.

Ссылки

1. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004. – С. 262-268.
2. Неудачной оказалась статья о Н.Л. Эрнсте в главном справочном издании для украинских историков. См.: Бикова Т.Б. Эрнст Микола Львович // Енциклопедія історії України. – К.: Наукова думка, 2005. – Т. 3. – С. 46-47. В статье, к сожалению, отсутствует информация о трудах Николая Львовича, не указана литература о нем. Материал подан однобоко и не отражает всю многогранную деятельность ученого, отсутствует фото. Еще менее информативной является статья об Н.Л. Эрнсте в справочниках «Историки России» (См.: Кряжева-Карцева Е.В. Эрнст Николай Львович // Историки России XX века: Биобиблиографический словарь / авт.-сост. А.А. Чернобаев: в 2 т. – Саратов: Изд-во Саратовского ГСЭУ, 2005. – Т. 2. – С. 570.) и об украинских археологах, в котором вообще сосредоточена масса фактических ошибок (См.: Мезенцева Г.Г. Дослідники археології України: Енциклопедичний словник-довідник. – Чернігів: Сіверянська думка, 1997. – С. 31.).
3. Бібіков С.М. Микола Львович Ернст: До 75-річчя з дня народження // Археологія. – К., 1964. – Т. 16. – С. 232-233.
4. Храпунов І.М. Микола Львович Ернст // Археологія. – К., 1989. – № 4. – С. 111-115.
5. Білокінь С. І. В обороні української спадщини: Історик мистецтва Федір Ернст / Ін-т історії України НАН України. – К., 2006. – С. 239–240.
6. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее: ПФАРАН), ф. 155, оп. 2, д. 794, л. 80-85 А.
7. Там же, л. 80.
8. Там же, л. 81, 82.
9. Там же, л. 83–84 об.

10. Там же, л. 84 об.
11. Там же, л. 85.
12. Там же, л. 85А.
13. Национальные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствознания, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рылского (далее: НАФРФИИФЭ), ф. 13, оп. 1, д. 1, л. 1; д. 2, л. 26.
14. Білокінь С. І. Вказ. праця. – С. 12.
15. Там же.
16. НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 18-21.
17. Білокінь С. І. Вказ. праця. – С. 12-13.
18. ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 794, л. 80.
19. Білокінь С. І. Вказ. праця. – С. 13-14.
20. Там же. – С. 18-19.
21. ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 794, л. 83 об.
22. Ernst N. Die ersten Einfälle der Krymtataren in Südrussland // *Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte.* – Berlin, 1912. – Bd. 3. – Н. 1. – С. 1-58.
23. Білокінь С. І. Вказ. праця. – С. 26-27.
24. Эрнст Т.Л. [Воспоминания] // Білокінь С.І. В обороні української спадщини: Історик мистецтва Федір Ернст / Ін-т історії України НАН України. – К., 2006. – С. 278-279.
25. ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 794, л. 83.
26. Гос. архив города Киева, ф. 153, оп. 1, д. 391, л. 8, 16.
27. Білокінь С.І. Вказ. праця. – С. 29.
28. Российская национальная библиотека, отдел архивных документов (далее: РНБ ОАД), ф. 2, оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения, л. 27, № 16.
29. РНБ ОАД, ф. 10/1, Личное дело Н.Л. Эрнста, л. 1.
30. Там же, л. 3.
31. РНБ ОАД, ф. 2, оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения, л. 32, № 30.
32. Михеева Г.В. Эрнст Николай Львович // *Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т.2: Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде, 1918-1930.* – СПб: Алетейя, 1999. – С. 652.
33. Там же.
34. РНБ ОАД, ф. 2, оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения, л. 45, № 59.
35. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – (Биобиблиография крымоведения; Вып. 3). – С. 91–130.
36. ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 794, л. 83.
37. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890-1943) – антрополог, этнограф. Он родился в имении Блонь, Минской губернии. Обучался на естественном отделении Санкт-Петербургского университета. С началом Первой мировой войны добровольцем ушел на фронт, не окончив образования. Зимой 1916-1917 гг. у Г.А. Бонч-Осмоловского открылся туберкулез. Необходимость лечения привела его в Крым в 1918 году. В 1919 г. организовал Южнобережное книгохранилище на базе библиотеки бывшего Крымского горного клуба. Увлечся этнографией крымских татар. В конце 1919 г. переехал из Ялты в Симферополь, где сотрудничал в Ассоциации научных работников Крыма, работал уполномоченным Чрезвычайной комиссии по экспорту при Совете Труда и Обороне по Крымскому полуострову. С января 1921 г. – заведующий КрымОХРИСом. 2 декабря 1921 г. был откомандирован из Крыма в Москву «для научных занятий». С 1 октября 1922 по 1931 гг. – научный сотрудник Этнографического отдела Русского музея. Участвовал в нескольких крымских этно-антропологических и археологических экспедициях. (В 1923 г. окончил Петроградский университет). Арестован 29 ноября 1933 г. по «делу славистов» и приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в 1943 г. в Казани.
38. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел (далее: ИИМК РАН НА РО), ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 71, л. 12.
39. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1922 г.), д. 57, л. 5-6 об.
40. См. подробнее: Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. – Симферополь, 2006. – Т. 1. – 324 с., ил. – (Биобиблиография крымоведения; Вып. 7); Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. Симферополь, 2008. – 600 с., ил. – (Биобиблиография крымоведения; Вып. 12).
41. Білокінь С.І. Вказ. праця. – С. 270.
42. См. подробнее: Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – (Биобиблиография крымоведения; Вып. 3). – С. 75-90.
43. НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 1-1 об.
44. Там же, л. 2.
45. Там же.
46. Там же, л. 3-3 об.
47. Там же, л. 5-6.
48. Там же, л. 9 об. Интересно и подробно о психологической атмосфере в Крымском университете (с 1925 года – пединституте имени товарища М.В. Фрунзе) рассказывает в многочисленных письмах к Игнатию Юлиановичу Крачковскому преподаватель этого вуза Виктор Иосифович Филоненко. См. об этом: Непомнящий А.А. Академик Г.Ю. Крачковский и крымские орієнталісти: За матеріалами епістолярію // *Східний світ.* – К., 2008. – № 1. – С. 194-209; № 2. – С. 148-157; Непомнящий А.А. Нові матеріали з історії кримиознавства 20-х років ХХ століття в листуванні Г.Ю. Крачковського та В.Й. Філоненка // *Краєзнавство.* – К., 2008. – № 1/4. – С. 85-95; Непомнящий А.А. Листування В. Філоненка з академіком Г. Крачковським: Нове джерело з історії кримиознавства 20-х років ХХ ст. // *Історичний журнал.* – К., 2008. – № 3. – С. 9-18.
49. НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 10, 11.
50. Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) – историк-крымовед, доктор исторических наук, профессор. После окончания Санкт-Петербургского университета и столичного Археологического института работал в Русском Археологическом институте в Константинополе, позже – Петроградском университете. В дальнейшем ученый преподавал в Московском, Самарском университетах, Калининском, Московском имени В.П. Потемкина, Ярославском имени К.Д. Ушинского педагогических институтах. В последнем он заведовал кафедрой всеобщей истории. С 1924 по 1933 год являлся сотрудником Государственного Исторического музея. С 1924 по 1934 годы – действительный сотрудник Института археологии и искусствознания и Института народов Востока РАН. См. о нем: Пятыхшева Н. А. С. Башкиров // *Советская археология.* – М., 1963. – № 3. – С. 316-317; Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – М.,: Знак, 2004. – С. 205-206, 227-244. См. собственноручно заполненные им анкеты: ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 8-12. Личное дело А.С. Башкирова см.: ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 64.
51. НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 13-13 об.
52. После возвращения крымских делегатов в Симферополь на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии было устроено обсуждение работы конференции. С основным докладом выступил Н.Л. Эрнст, который акцентировал внимание на «необходимость вовлечения в краеведческую работу широких масс населения и советской общественности (профессиональных и партийных организаций) и передовой молодежи», а также на «необходимость тесной связи с госорганами, особенно хозяйственными и планирующими». См. подробнее: Непомнящий А.А. Новые архивные документы к биографии Арсения Маркевича, 1921–1926 // *Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: История.* – Симферополь, 2004. – Т. 178 (56), № 1. – С. 42-48; См. также: Непомнящий А.А. Эпистолярные материалы как источник для восстановления истории краеведения в Крыму в 30-е годы ХХ века // *Дніпропетровський історико-археологічний збірник /*

Дніпропетровський нац. ун-т. – Дніпропетровськ: Ліра, 2009. – Вип. 3: На пошану професора Анатолія Григоровича Болебруха. – С. 388-410.

53. Александр Андреевич Спицын (1858-1931) – археолог. После окончания Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1882 г.) служил преподавателем истории Вятской женской гимназии. С 1892 года – сотрудник императорской Археологической комиссии (соответственно с 1919 г. – Российской Академии истории материальной культуры, с 1926 г. – Государственной академии истории материальной культуры). Читал лекции по археологии в столичном университете (с 1909 г.) и Археологическом институте (с 1914 г.).

54. НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 15 об.

55. Там же, л. 17.

56. Там же, л. 19-19 об.

57. Там же, л. 19 об.

58. Там же, л. 20.

59. Имя одного из крупнейших российских историков – академика АН СССР Сергея Федоровича Платонова (1860-1933) – только в последнее время заняло свое достойное место в истории крымоведения. Выпускник Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1882 г.), он довольно быстро, уже в 1899 г., стал профессором этого вуза. В течение многих лет в досоветский период С.Ф. Платонов выполнял обязанности декана Историко-филологического факультета. Одновременно он являлся директором столичного Женского педагогического института, сотрудничал в Академии Генерального штаба и Военно-юридической академии, преподавал членам императорской фамилии.

В центре научного внимания С.Ф. Платонова находились события российской истории XVI-XVII столетия. Он стал автором оригинальной концепции этих событий с постановкой острых, новых для историографии конца XIX – начала XX в. проблем, связанных с социально-экономической тематикой и социальной борьбой. Этой проблеме были посвящены как магистерская диссертация ученого – «Древне-русские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» (1888 год), так и его главный труд – докторская диссертация – «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время» (1899 г.). «Князем науки» называл С.Ф. Платонова современник граф С.Д. Шереметев, видевший в нем первого после смерти В.О. Ключевского историка. Основы «школы» С.Ф. Платонова были заложены в 90-х годах XIX в. Возглавив кафедру русской истории столичного университета, ученый воспитал крепкую научную школу, получившую название «Петербургской школы русских историков», или «Школы Платонова». Ее отличительной особенностью были ярко выраженный объективизм и ориентация исследователей преимущественно на источниковедческие разыскания, изучение исторического материала. С.Ф. Платонов являлся одним из наиболее читаемых русских историков. Этому способствовало издание гимназического учебника по русской истории, который в досоветское время выдержал 10 тиражей (последний – в 1917 году). См. о С.Ф. Платонове: Брачев В.С. Крестный путь русского историка: Академик С.Ф. Платонов и его «дело». – Санкт-Петербург: Стомма, 2005. – 450 с.; Непомнящий А.А. Новые материалы по крымоведению: По переписке А.И. Маркевича и академика С.Ф. Платонова // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Збірник наукових праць з мистецтвознавства, архітектурознавства, і культурології / Ін-т проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України. – К., 2007. – Вип. 4. – С. 98-144.

60. Николай Иванович Репников родился в Санкт-Петербурге 9 апреля 1882 г. в крестьянской семье. Его отец работал бураком на лесных сплавах Громовых, а мать вела хозяйство и занималась воспитанием сына. После окончания в 1901-м коммерческого училища, в 1902-м Н.И. Репников поступил в Археологический

институт. С этого же времени началась его трудовая деятельность в качестве сотрудника Археологической комиссии. Уже в двадцатилетнем возрасте Н.И. Репников начал самостоятельные полевые исследования в Тверской и Новгородской губерниях. В 1904-м, после успешного завершения курса в Археологическом институте (был выпущен со званием члена-сотрудника) он провел полевой сезон в Крыму, а после возвращения в столицу поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился до 1908-го. В это время происходит его становление как археолога-полевика. Особую роль в этом процессе сыграл надсмотрщик над археологическими работами Керченского музея древностей – С.П. Петренко, о котором Н.И. Репников вспоминал: «<...> Семен Петрович вводил меня в самую сокровенную своих знаний и опыта, выработанного долгим и пристальным наблюдением, смею утверждать, – недоступного большинству наших археологов». Заболев в 1908-м в Херсонесе малярией и крупозным воспалением легких, Н.И. Репников остался жив лишь благодаря заботам С.П. Петренко, который «выносил его на руках как нянька». В 1910-м началось сотрудничество Н.И. Репникова с Этнографическим отделом Русского музея, где он являлся хранителем археологической коллекции музея, насчитывавшей к тому времени более пяти тысяч единиц хранения. В этот период Николай Иванович развернул значительные археологические исследования в Старой Ладоге, занимался исследованием древнерусского искусства.

Раскопки Н.И. Репникова в Крыму начались с 1903 г. и продолжались с некоторыми перерывами до самой смерти. В год смерти ученого (1940 г.) приходится его последняя экспедиционная поездка в Крым. Систематические разведки и раскопки Николая Ивановича охватили широкий круг памятников Крымского нагорья (от каменных ящиков (дольменов) первобытных эпох до остатков эпохи Крымского ханства). Основные его научные интересы тут были сосредоточены на памятниках раннего средневековья: Византийский Херсонес, готский могильник Суук-Су, Партеитская базилика VIII в., «пещерные города». С 1926 года Н.И. Репников проводил ежегодные раскопки в Эски-Кермене и изучал одновременные памятники Нагорья. Выявленный им обильный разнообразный материал дал археологу возможность сделать предположения о социальном строе Крымской Готии, развитии Эски-Кермена и Мангупа. См. о Н.И. Репникове: Бернштам А.Н., Бибииков С.Н. Н.И. Репников (1882–1940) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры. – М.-Л., 1941. – Вып. 9. – С. 121-123; Герцен А.Г. Неизвестный документ из наследия Репникова // In situ: К 85-летию профессора А.Д. Стояра / СПб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 386-401; Герцен А.Г. Н.И. Репников о Мангупе // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2007. – № 17. – С. 30-38; Королькова Л.В. Н.И. Репников – исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. – Санкт-Петербург: Издат. дом Санкт-Петербургского ун-та, 2004. – С. 188-119; Непомнящий А.А. «Поки оберігасмо та рятуємо, де можна, але це дуже важко...»: Невідомі матеріали з історії пам'яткоохоронної роботи в Криму за матеріалами листування А.І. Маркевича та С.Ф. Платонова // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; Українське т-во охорони пам'яток історії та культури. – К., 2008. – Вип. 13. – С. 201-226; Вип. 14. – С. 133-156; Равдоникас В.И. Памяти Н.И. Репникова // Старая Ладога: Материалы археологических экспедиций / Государственный музей этнографии. – Ленинград, 1948. – С. 6-10.

61. Российская национальная библиотека, отдел рукописей (далее: РНБ ОР), ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 28.

62. Там же, л. 29.

63. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 3-4.
 64. Архив Российской Академии наук, ф. 518, оп. 3, д. 1909, л. 1-1 об.
 65. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 7.
 66. Платонов С.Ф. [Об археологических исследованиях Н.И. Репникова в Крыму: Предисловие к статье В.И. Равдоникаса] // Вестник знания. – Ленинград, 1929. – № 7. – С. 290.
 67. Государственная Третьяковская галерея, отдел рукописей, ф. 68, оп. 1, д. 322, л. 1, д. 323, л. 1–2; д. 324, л. 1-3.
 68. См. подробнее: «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...»: Письма Н.И. Репникова к И.Э. Грабарю / Подг., предисл., комм. Е.А. Теркель // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 14. – С. 212-223.
 69. ИИМК РАН НА, РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 40, л. 58-58 об.
 70. См.: Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века). – Симферополь: Доля, 2001. – С. 118, 666.
 71. Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. Ф.А. Брауна // Известия Академии наук СССР. 6 сер. – Ленинград, 1927. – № 18. – С. 1517-1520.
 72. ПФАРАН, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 28, л. 66.
 73. Там же, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 251, л. 15 об.
 74. См. подробнее: Брачев В.С. Указ. соч. – С. 307.
 75. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 13-14.
 76. Там же, л. 17.
 77. Там же, л. 18.
 78. Там же, л. 21 об. См. также: Непомнящий А.А. Страницы истории крымского краеведения в 30-е гг. XX века // Боспорские исследования = Bosporos Studies / Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2005. – Вып. 10. – С. 361-383.
 79. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 25.
 80. ПФАРАН, ф. 729, оп. 2, д. 80, л. 7–8. См. также: Непомнящий А.А. 3 історії кримського краєзнавства в 30-ті роки ХХ століття: За неопублікованим листуванням А.І. Маркевича // Краєзнавство. – Київ, 2005. – № 1/4. – С. 160-171.
 81. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040, л. 8–9.

Непомнящий А.А. Невідомі сторінки біографії Миколи Ернста: нові документи архівів Києва, Москви і Санкт-Петербургу

До наукового обігу вводиться невідоме раніше листування відомого кримознавця, археолога Миколи Ернста до його брата – визначного діяча українського музеєзнавства, організатора пам'яткоохоронної справи Федора Ернста. Корпус указанного епістолярію був виявлений і атрибутований професором А.А. Непомнящим, і є цікавим джерелом у вивченні розвитку науки на території Кримського півострову в 20-х роках ХХ ст., зокрема історії Таврійського університету й біографії діячів науки в Криму вказаного часу.

Nepomnyashchy A.A. Nikolai Ernst's unknown pages of biography: new documents from archives of Kiev, Moscow and Saint-Petersburg

The earlier unknown collection of letters written by the archeologist and the prominent expert on the Crimean studies Nikolai Ernst to his brother Fedor Ernst, who was a person of note in the Ukrainian museology and also the organizer of the archeological sites' protective campaign, came into use of scientists. This collection was brought to light by professor A.A. Nepomnyashchy. The letters are considered to be an interesting source giving an outlook on the development of the peninsular sciences in the 20th of the 20th century, also recollecting the history of the Taurida University and some biographies of people who made considerable contributions to the sciences.

СІМЕЙНИЙ АРХІВ ЯК ДЖЕРЕЛО З ІСТОРІЇ ГЛУХОВА ПЕРШОЇ ЧВЕРТІ ХХ ст.

В статті подається оцінка деяких документів початку ХХ ст. з сімейного архіву автора

У умовах знищення архіву Глухова на початку 1941 р. відступаючими частинами Червоної Армії, сімейні архіви, хоча і до кінця не систематизовані, мають важливе значення для вивчення історії міста.

Архів сім'ї автора статті, що відкладався упродовж ХІХ-ХХ ст. унаслідок довгої родової осілості та спадкового відношення до педагогічної праці, охоплює матеріали сімей Гришанових, Ящиків, Погіб, Кваснікових, Матвієвських, Котлярових, Шугурових та ін. Революція з громадянською війною, комуністичні репресії, Друга світова війна, побутові негаразди безумовно вплинули на кількість та якість збереженої колекції.

Серед архівного матеріалу існує кілька документів, які розповідають про історію Глухова першої чверті ХХ ст. Так зі «Сведения об успехах и поведении воспитанника III класса Коллегии Павла Галагана Зайки Николая» дізнаємося, що глухівчани гідно представляли своє місто в когорті її випускників. М.К. Заїка (1882-1934 рр.) закінчив Коллегію у 1902 р. [1, 321]. Академік Агатангел Кримський говорив, що в ті часи саме цей навчальний заклад був єдиним «розсадником українства».

В архіві представлений товарний чек «Української книгарні» редакції журналу «Україна» 1907 р. за календар «Веселка», календар Просвіти (на 25 примірників). Це пам'ять про революційні події 1905-1907 рр. в Глухові, що перегукується зі спогадами О.О.Гільдуніної-Шапоріної: «Первыми забастовали воспитанники института, затем мужская гимназия и другие школы, и, наконец, наша гимназия вступила в ряды революционного движения... Один из студентов, мой земляк, Николай Константинович Заика, в коротком выступлении рассказал нам, всему классу о том, что несправедливость царит всюду и мы, учащиеся, тоже поставлены в такие рамки, с которыми мириться нельзя...» [3, 147]. Цікаво, що за адресою, вказаною на товарному чеку (Київ, Безаковська улица б.8-й), працював у той час і Симон Петлюра.

1903 роком позначений і перший відомий художній твір тоді ще учня Глухівської чоловічої гімназії Георгія Нарбута – портрет Мартина Лютера [4, 132-134]. Ідентифікація цього твору дозволила виправити помилку в хрестоматійному дослідженні Ф.Л. Ернста [5, 17].

Революція залишила по собі розписки про реквізиції, реєстраційні папери, шкільні відомості на оплату в пайках. Цікавим є «Приказ № 30 Президиума Глуховского Исполкома по Отделу